

Семейные хроники

Автор: Игорь Василяди

В качестве последнего – позднейшего эпилога к данным запискам, хочу отметить, что пришлось мне сесть за их сочинение в силу огромного интереса к своей родословной моих многочисленных племянников и племянниц, разбросанных по все огромной стране, имя которой ранее было СССР. В частности, повышенный интерес к сей проблеме был вызван моими украинскими племянниками и их детьми, которые после развода моего родного старшего брата настоящего полковника – Владимира (настоящего, ибо многие в СА считали, что приказ о присвоении ему этого звания был подписан последним настоящим министром обороны СССР, настоящим маршалом войны - Соколовым) с полтавской женой Верой, остались на Украине с фамилией Василяди, ничего не представляя, как и откуда она взялась в их паспортах. Им эти записки были отправлены.

Несколько позже мой третий старший брат – Юрий (есть еще и первый – Геннадий 1941 г.р.), выйдя в отставку из рядов вооруженных сил, и получив жительство в Подмоскowie в городе Егорьевске, тоже взялся за изучение своего прошлого. В его руках оказалось несколько аудио-кассет с воспоминаниями нашей мамы, которые долго лежали без дела, будучи записанными, еще в конце 80-х. Теперь Юрий взялся их расшифровывать, и сравнивать с данными из сего опуса. Надо сказать, что в недавней беседе с ним в мае 2015 года, мы сверили свои записи, и отличий нашли не очень много, в основном по мелочам (некоторым фамилиям, местам пребывания, датам). Причем в диспуте о справедливости того, или иного прочтения некоторых фактов мы к единому мнению пока не пришли, так что данные записки пока можно оставить без кардинальных изменений. Думаю, что в будущем мы еще придем к какому-то единообразию в изложении семейных преданий. А пока – то, что есть.
7.02. 2016 г.

Семейные хроники, или опыт семейной генеалогии

Семья моя проживает в городе Курске с конца 19-го века и может считаться одной из старейших в городе. Прадед по материнской линии Иван Яковлевич Морозов родился в семье «вольных хлебопашцев» (так официально назывались крестьяне после освободительной реформы 1861 года) в деревне Гремячка Курского уезда в 1865 году. Поскольку деревня эта находилась близко от города, большинство ее жителей занималось отхожим промыслом. Так и малолетний Иван в семилетнем возрасте был

отдан «в люди» в услужение богатому купцу Пузанову, коему и сыну его служил верой и правдой вплоть до Октябрьской революции. Служил он, видимо, довольно успешно и рьяно, так как дослужился до старшего приказчика и, по сути, долгое время заведовал головным магазином «Обувь Пузанова» на Большой Московской (находился на месте нынешнего «Аметиста»). Тридцати трех лет от роду Иван Яковлевич, именно так впоследствии звала его супруга, надумал жениться. Девушку сосватали ему добрую, кроткую из мещанского рода Старковых, занимавшихся полотерным промыслом и проживавших по улице Узенькой (ныне Скорятина). Звалась она Ольга, по отчеству Ивановна, впрочем, законный супруг называл ее ласково – Олядка.

Произошло сие событие в 1896 году, и вскоре в октябре 1898-го на свет появилась их старшая дочь Александра, Сашенька, Шурочка наша любимая бабушка. Впрочем, с этим вопросом, как в нормальной русской семье, заминок не происходило: в 1900 родился сын Иван, в 1903 дочь Татьяна, в 1905 сын Василий, в 1909 дочь Мария, в 1911 дочь Анна, в 1914 сын Михаил и в 1917 сын Леонид.

1916 год. Большая семья Ивана Морозова (сидит в центре, рядом его жена Ольга Ивановна, в чьем чреве младший сын Леонид). Стоят (верхний ряд): сыновья - Михаил, Василий, дочь – Александра, сын Иван. Рядом с прабабушкой Ольгой дочери: Анна, Мария, Татьяна.

Поначалу у «молодой» семьи своего жилья не было, снимали квартиры по улицам Золотой, Чулкова гора, Нижний план, но когда в семье родился третий ребенок в 1903 году, сам хозяин, купец первой гильдии Пузанов, заявил: – «Негоже моему приказчику с детьми по квартирам мыкаться! Выбирай себе дом, Иван, я оплачу!». Иван Яковлевич мужик прихитренный, дом выбрал поплоше, дабы хозяина не ввести в лишней расход и повез купца показывать попку. Тот сразу даже обиделся: – «Ну что ж ты меня позоришь, экую развалюху выбрал, либо я не заплачу за хороший дом?» Но впоследствии, видимо, оценил рвение приказчика, повысил его и добавил жалования. Та хата по улице Сороковой 25-27, меж тем, простояла до 1952 года и спасла мою маму и бабушку от постоя оккупационных войск в годы Великой Отечественной. Немцы и мадьяры побоялись в ней останавливаться, приговаривали – «Хаус капут, хаус капут». Но об этом позже. По этому адресу в 1957 году родился и я, ваш покорный слуга.

Меж тем, жизнь в патриархальной русской семье шла своим обыденным укладом. Глава семьи исправно служил, как водится, в меру выпивал. Впрочем, мера эта бывала зачастую изрядной и по срокам длительной, могла растянуться на неделю-другую. У кровати хозяина непременно должна была стоять четверть зелья – проснулся, опрокинул дозу и снова в слеглую. Однако, по прошествии срока отпаивался огуречным рассолом, и на полгода год ни- ни . Купец эти загулы терпел, понимал душу русского человека, да и сам по характеру был схож со своим приказчиком.

На обед Иван Яковлевич приезжал непременно на извозчике, в светелке к его приходу обязательно пыхтел ярко начищенный двухведерный самовар. В праздники за общим столом собиралась вся большая семья, из общей посуды деревянными ложками вкушали щи с мясом. Ложка с мясом, следом ложка пустая, тем, кто нарушал порядок, голова мог и по лбу своей ложкой тяпнуть, предварительно ее обливав. Потом шла каша с маслом мясом или молоком. Так и жили, хоть и не богато, но и нужды не пытали. Дети учились в приходской школе при Михайловской церкви, а старшая Саша в женской Мариинской гимназии. Но после пяти классов ее из гимназии отцу пришлось забрать, хоть и не по своей воле – хозяйской. Как-то пришел Семен Никифорович в магазин, вызвал подчиненного: – « Иван забери Шурку из гимназии! Наши девки в одном классе, твоя отличница круглая, а моя Сонька дурища мне покоя не дает, завидует. Христом богом прошу, забери». Делать нечего – пошел прадед дочку забирать. Классная дама и следом инспектор принялись уговаривать приказчика оставить Сашу учиться, обещали освободить девочку от платы за учение, но ... повинясь хозяйской воле, Иван Яковлевич настоял на своем, да своим ли, решении. Так закончилось бабушкино классическое образование, что не говорит о ее высокой образованности вообще.

Спокойный, патриархальный ход провинциальной жизни разрушила первая мировая война. Русское купечество восприняло ее с ура-патриотическим пылом и, надо сказать, прилично на военных поставках заработало. Иван Морозов не остался в

стороне от этих событий, дела шли настолько хорошо, что к 1917-му он был готов открыть собственное дело. По рассказам прабабушки Оли капитал он имел уже хороший, правда, накопленный в ассигнациях и ценных бумагах Крестьянского и Азовского банков. Наивные провинциалы предпочитали ассигнации звонкой золотой монете. Баба Оля с сожалением вспоминала, как часто «пилила» своего мужа за то, что он не поменял золотые десятки и пятерки на бумажные деньги. Боялась болезная, что нетрезвый мужик растеряет монеты по дороге домой.

Здесь пора уже коснуться еще одной важной фигуры нашего повествования – моего деда Андрея Федоровича Пральникова.

Молодой блестящий офицер царской армии появился на горизонте внимания Александры Морозовой в 1916 году. О его генеалогических связях известно мне гораздо меньше, знаю лишь, что его отец и дядя так же были выходцами из крестьян Курского уезда села Курасово. Что в восьмидесятых годах 19 века пошли они работать на бурно развивающийся курский железнодорожный узел, что отец его, Федор Пральников, работал путевым обходчиком и погиб на рабочем месте под колесами железнодорожного состава. Что семья получила грошовую пенсию, и его мать, прабабушка Поля, была вынуждена вернуться в деревню, отдав малолетнего Андрея в семью деверя Петра на воспитание. Мальчик Андрей рос необычайных способностей – пяти лет от роду он пошел в приходскую школу с восьмилетним двоюродным братом и за год обошел того в учебе, а к восьми годам

окончил четырехлетнюю начальную школу. Имел он и замечательные музыкальные способности – абсолютный слух и чистый, высокий, сильный голос, вследствие чего, был примечен дьяконом Введенской церкви и отдан в кафедральный архиерейский хор на полное содержание. В юношеском возрасте Андрей с успехом окончил курсы телеграфистов в Курском Реальном училище им. М.И.Голенищева-Кутузова и получил работу телеграфиста на Ямской железнодорожной станции. Надо отметить, что такое образование и работа дорогого стоила по тем временам и давала право получения низшего чина в принятой тогда табели о рангах по гражданской линии. Не оставлял дед и активных музыкальных занятий в церковном хоре, а так же играл на

различных музыкальных инструментах в оркестре Пономарева (он освоил практически все инструменты кроме скрипки, но любимым была гитара).

Началась первая Мировая война, или, как ее тогда называли, вторая Отечественная, огромная армия стала испытывать острую нехватку кадрового офицерского состава, вследствие чего в военные училища стали принимать лиц недворянского происхождения. Андрей Пральников с успехом поступил и к лету 1915 окончил ускоренные курсы знаменитого Чугуевского пехотного Его Императорского Величества училища, а в августе в чине прапорщика принял участие в феноменальном Брусилловском прорыве Юго-Западного фронта. В качестве кого и как воевал дед, не знаю, но, видимо, воевал изрядно, если зимой шестнадцатого оказался во внеочередном отпуске в Курске. Здесь, на музыкальной вечеринке в честь доблестных защитников Отечества в театре Щепкина и произошла первая встреча моих деда и бабушки. Месяц отпуска пролетел мгновенно. Подпоручик Пральников, несмотря на невысокий рост и щегольское пенсне, оставил неизгладимое впечатление на красавицу Александру и ее благочинное семейство. Дед умел пустить пыль в глаза.

Дальнейшие события приняли неожиданный поворот. Грянула Февральская революция, царская династия ушла с авансцены истории. Зимой 1917 поручик Пральников вступил в партию большевиков. Чего в этом было больше, искренних убеждений или трезвого расчета, мы не узнаем. Но налицо факт избрания поручика А. Ф. Пральникова делегатом от фракции солдат (!) на первый Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов по спискам большевистской партии в мае-июне 1917 года.

Лето и осень 17-го дед метался между Питером, Москвой и Курском, где он уже являлся полномочным представителем Съезда Советов, и одновременно готовился к свадьбе, которая была назначена на ноябрь. К дому будущего тестя Андрей Федорович подъезжал обычно верхом на породистом жеребце, в форме царской армии (уже без регалий), или на пролетке с денщиком, в общем, продолжал фанфаронить. Когда же дело коснулось конкретной подготовке к свадьбе, оказалось, что бывший поручик, а потом полномочный комиссар оказался гол как сокол, без гроша за душой. Поначалу купчина Морозов заявил резкий отказ на родительское благословение, но, то ли мольбы жены и дочери, то ли мужицкая расчетливость (все-таки будущий зять представитель новой неизвестной силы) взяли верх. Морозовская сторона взвалила на себя расходы по подготовке приданного и свадьбы. Здесь хотелось бы еще раз отметить природную хитрость и расчетливость Ивана Яковлевича – известно, что в Курске Советская власть победила мирным путем без кровопролития и смуты. В числе тех, кто отдал свои голоса за новый, порядок был и представитель крестьянства (формально он оставался таковым) городской мещанин Морозов И.Я.

В ноябре семнадцатого отец и дочь Морозовы поехали в Москву справлять приданое. Здесь зажиточный, еще по старому, гражданин уже новой России ни в чем любимой дочери не отказывал. Посетили они и Большой театр, где бабушка слушала

великого Шаляпина. Впечатления от сего действия остались у нее на всю жизнь.

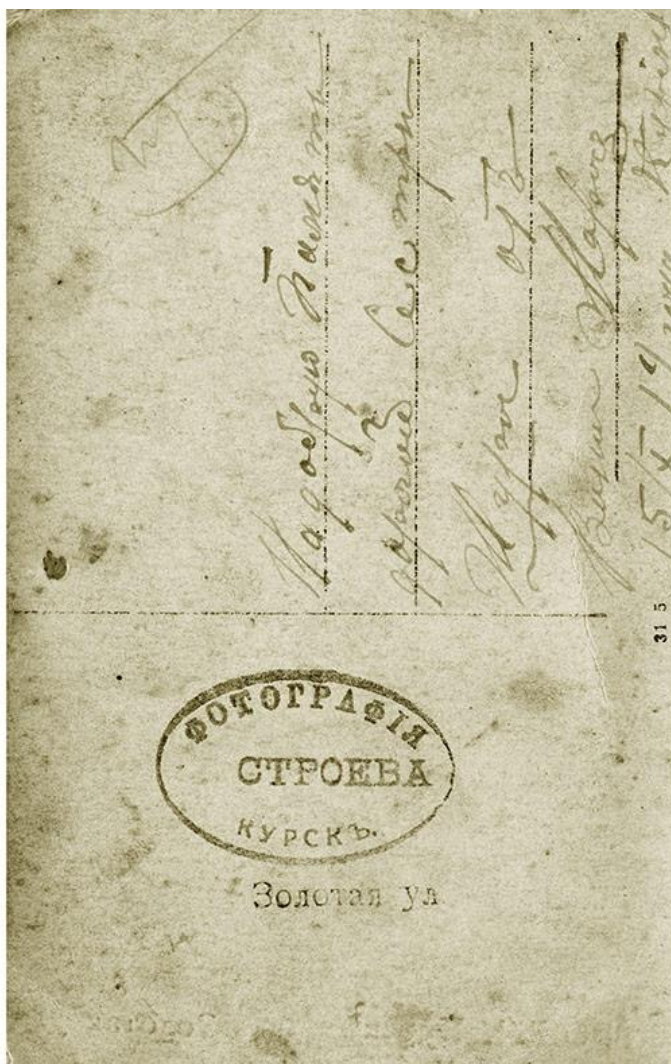
Вскоре сыграли шумную веселую свадьбу. Андрей Федорович и здесь отличился – венчались не в приходской Михайловской церкви, а в Сергиевском соборе с великолепным певческим хором, на свадебном вечере играл единственный в городе симфонический оркестр Пономарева, который был другом деда.

Наступил непонятный и тревожный восемнадцатый год. Повсюду начала поднимать голову контрреволюция. А. Ф. Пральников как кадровый офицер, а по-новому военспец, оказался в гуще событий. Профессиональная армия распущена, для борьбы за новую власть создаются отряды Красной гвардии, по сути, партизанские формирования. В курской губернии под руководством члена РВС молодой Советской республики Подвойского одним из их организаторов и командиров становится дед. К концу 18-го первые наскоки контрреволюции отбиты, но Гражданская война принимает новые

формы, а фактически заставляет вернуться к созданию регулярных частей и соединений. Наркомвоенмор Троцкий массово привлекает в Красную армию офицерские кадры «военспецов», причем делается это со страшной революционной жестокостью. Семьи офицеров остаются в заложниках, что бы покарать их в случае перехода командиров в стан врага. Необычайно высоко ценилась роль кадровых офицеров с дореволюционным партийным стажем, таковых было мало и, естественно, им доверялись самые ответственные посты. А. Ф. Пральников работает в оперативном отделе штаба Южного фронта вместе с легендарными Егоровым и Щорсом, членом Реввоенсовета фронта был сам Сталин. Мы никогда и ничего не узнаем об их взаимоотношениях, а таковые, естественно, имели место, но может, и, слава богу. Одно известно точно по рассказам бабушки – уже позже в середине 30-х дед часто и громко ругал «Грузина», будучи в нетрезвом состоянии...

Семья же осталась в занятом денкинцами Курске, именно семья, поскольку в 1918 родился их первенец Андрей Андреевич. И вновь прадед Иван Морозов

проявляет изворотливость. Буквально за руку он приводит в штаб белогвардейцев своего сына, студента Реального училища Ивана. Ход его мыслей прост – неизвестно чья сторона выиграет, неплохо иметь и зятя комиссара и сына белогвардейца.

Белогвардеец и студент Реального училища Иван Иванович Морозов, 1919 год

Для семьи этот ход прадеда закончился плачевно – потерей старшего сына. После освобождения Курска Красной армией Иван Иванович Морозов вместе с отступающими деникинцами оказался в блокированном Крыму. Последний раз его видели соседи по Казацкой слободе, изможденного после тифа, в октябре 20-го. Бежать в Турцию он отказался, а до дома, видимо, не добрался. Никто никогда не узнает, сколько их, безвестных, сгинуло в страшные годы гражданской смуты.

После освобождения города семья Пральниковых воссоединилась. Дед забрал жену с собой, сына же оставили с бабушкой Олей, младший сын которой Леонид был немногим старше, так они и росли вместе. Нашей бабушке Александре Ивановне еще много пришлось пережить в те лихие годы. Летом 1920 она попала в плен к махновцам, которые были временными союзниками в борьбе с Врангелем. Дед

Андрей поднял эскадрон конницы в сабли и лихим наскоком отбил ее у махновского отряда, за что чуть не попал под трибунал. Как-то, прислушавшись к моему критическому суждению о суперметкости неуловимых мстителей, бабушка рассказала живой эпизод о преследовании поезда, в котором она ехала с дедом и другими семьями командиров, бандитским отрядом батьки Махно. Так вот, оказывается, прицельный огонь из наганов по скачущим всадникам из вагона поезда был вполне обыденным явлением для профессиональных вояк того времени. Более того, после успешно отбитой атаки бандитов отцы командиры, изрядно промочив глотки спиртным, продолжили развлекаться на пари стрельбой по воронам, сидящим на телеграфных проводах, причем довольно успешно. Наверное, в этом не было ничего удивительного, война продолжалась уже восемь лет. Гражданская война закончилась для семьи Пральниковых в Харькове при штабе Южного фронта.

И здесь дед совершил непоправимую ошибку, тяжело сказавшуюся на всей его жизни. Дело в том, что он получил «предложение» (фактически новое назначение) ехать на Дальний восток к Блюхеру помогать организовывать армию буферной ДВР (Дальневосточной республики). Но под давлением тещи и жены отказался: «Шесть лет воюешь, хватит. О нас подумай, жив, слава богу, а тут опять война...» Отказ был воспринят еще достаточно мягко, его всего лишь исключили из партии, и лишили боевых наград (в том числе ордена Боевого Красного знамени с номером из первой сотни этой первой награды молодой Советской республики). Назначили заместителем коменданта города Курска, видимо, сказались боевые заслуги, а так могли и запросто к стенке поставить. Однако, сам Андрей Федорович воспринял эти события очень тяжело, посчитав их крахом своей карьеры, да и жизненных стимулов. Он сорвался в длительный запой, продолжавшийся фактически до конца его жизни.

Вся жизнь деда понеслась по нисходящей и умнейший, талантливый человек закувыркался по служебной, да и жизненной лестнице. Грамотнейший, по тем временам специалист, он еще работал управляющим треста «Курсксахпром», директором разных сахарных заводов. Последним местом его работы в 1930-31 г.г. была лавка промкооперации на углу улиц Ленина и Садовой. Этот ларек, по рассказам моей мамы, превратился в место сборищ друзей деда, «партизан», как они себя именовали. Зачастую маленькая девчушка вытаскивала своего отца из заведения, закрывала замки и на себе тащила полумертвое тело домой.

Большая семья Морозовых в 1920 понесла невосполнимую утрату. От сыпного тифа умер прадед Илья Яковлевич. Клан оказался в тяжелом положении, потеря главного добытчика выбила Морозовых из колеи, тем более, как мы помним, сказалось отсутствие «золотого запаса». Приходилось приспособливаться к новым условиям. В середине двадцатых Татьяна Ивановна вышла замуж за стрелецкого нэпмана Ивана Башманова, туда же перебралась Мария Ивановна, выйдя замуж за мастерового парня Данилу Ефремова. Так же в Стрелецкую слободу переехал жить, женившись, и Василий Иванович. К обеспеченной дочери Татьяне поселилась прабабушка Оля с младшим сыном Леонидом. Таким образом, семейный клан Морозовых переместился из Казацкой слободы в Стрелецкую.

В семье Пральниковых родились еще две дочери: в 1922 Валя и 1928 Галя. В 1932 бабушка Саша с мужем и дочерьми переехала в опустевшую родовую хату на Сороковой, бросив отличную, большую квартиру, полученную дедом, на ул. Ленина.

Большое семейство. 1933 год. Стоят слева направо: зятя Ольга Ивановны (в центре) - Иван Башманов, Андрей Пральников (мой дед), сыновья – Василий Морозов, Леонид Морозов, дочь – Анна Молрозова, зять – Даниил Ефремов. Сидят: дочь Александра Пральникова (Морозова – моя бабушка), ее сын Андрей Пральников, невестка – Мария Морозова (жена Василия) с сыном Анатолием, Ольга Ивановна Морозова (Старкова) с внучкой Людой дочерью Анны, сваха Ольги Ивановны – Прасковья Башманова, дочери Мария Ефремова (Морозова) со своим сыном Владимиром и Татьяна Башманова (Морозова). Сидят на полу внучки: Галя Пральникова, Лариса и Соня Башмановы и Валя Пральникова (моя мама)

Сделала она это по причине нахождения в первом этаже их дома винополки (вино - водочного магазина), с коим у деда сложились специфические отношения. Каждый раз, выходя в сортир или вынося мусор, он возвращался домой в стельку пьяным, благо друзей у него в городе хватало. Иногда Андрей Федорович устраивал дома музыкальные концерты, он по-прежнему великолепно играл на разных инструментах

и пел. Благодарные слушатели, собиравшиеся под окнами дома (квартира находилась на втором этаже дома дореволюционного художника Забуги, стоявшего на месте нынешнего салона «Ермак»), уронив слезу под лирические романсы и красногвардейские песни, скидывались по кругу деду на выпивку. Сказывалась нехватка культурных мероприятий в то время. Все это и подвинуло бабушку бросить треклятую квартиру. Но переезд в Казацкую пьянств деда не остановил, будучи самым грамотным в округе, он сочинял всяческие прошения и ходатайства соседям и плату всегда получал натурально – горькой. Его небольшой пенсии с трудом хватало на прожитье, и бабушка была вынуждена пойти на неквалифицированную работу на молокозавод (угол современных улиц Большевиков и Верхней Луговой), что бы как-то кормить семью (в стране царил безработица). В 1936 году дед заснул на улице в распутицу, сильно простудился и ослабленный организм не выдержал, Андрей Федорович тихо скончался. Впрочем, это был, наверное, не самый худший исход. Почти все его друзья, старые партийцы были вскоре репрессированы, а его бы уж точно вспомнили. Сталин не любил оставлять старых соратников, которые помнили его еще мелким руководителем, а не великим вождем всех времен и народов. Тем более наверняка нашлись бы «благодетели» написавшие донос, а это было широко распространено в то время, на полупьяные высказывания Андрея Федоровича.

Бабушка Шура осталась жить на ул. Сороковой с двумя дочерьми, сын Андрей фактически жил в Стрелецкой со своим другом-дядей Леонидом и прабабушкой Олей в примаках у своего богатого родственника Ивана Башманова мужа Татьяны Ивановны. Кстати, здесь проявилась некоторая зависть сестер к старшей Александре, когда им не досталось приданного после смерти отца. И когда бабушка, спасая свое имущество от мужа, отдала на сохранение свои ценности Татьяне, то обратно она их не получила. Но, будучи по характеру кроткого нрава, молча, перенесла этот некрасивый поступок младшей сестры.

Осталось коснуться судьбы еще двух детей Ильи Яковлевича Морозова: сына Михаила и дочери Анны. Миша вырос высоким стройным парнем с хорошими художественными способностями и был отдан в обучение известному в городских кругах моляру-«богомазу» - художнику Шуклину. Подружился он с сыном хозяина, да видно не к добру. Сын Шуклина был парнем буйного нрава, о таких говорят: «Этот с землей подерется!» А Михаил парень крепкий, первый на Казацкой по кулачным боям. Много раз пришлось ему выручать взбалмошного друга, бывали и биты не раз ребята, но до поры сходило все с рук, старый Шуклин помогал, откупался. Но случилось друзьям влюбиться в одну барышню. Что и как там случилось, никто не ведает, да только Михаил Морозов осенью 1930 года застрелился в саду дома на Сороковой. Это был тяжелый удар для всей родни, в том числе и для Андрея Федоровича Пральникова, который из всех шуринов больше прочих любил Мишу и надеялся сделать из него кадрового военного.

Младшая Морозова – Анна росла красивой, голосистой, веселой комсомолкой. Рано выскочила замуж за активиста Семена Фурмана. Но еврейская «синагога» не признала ее своей, пришлось разводиться. Впрочем, Анна вскоре вышла замуж за

бойкого ворошиловского стрелка Федю Максименко, который ее очень любил, и без разговоров удочерил дочь Анны Людмилу. Анна Максименко была очень дружна со своей старшей племянницей и почти ровесницей Валеи Пральниковой. Анна и Федя Максименко в предвоенные годы жили в общежитии на стадионе «Динамо», где последний работал инструктором по стрельбе, они и сыграли в судьбе моей мамы большую роль, познакомив ее с приезжим футболистом греком Василием Василиади, моим будущим отцом.

Начиналось время молодой поросли потомков большой морозовской семьи: двоюродных пральниковых, башмановых, ефремовых, морозовых, максименко но это уже другая тема.

ВАСИЛИАДИ

Греческую ветвь своего родословного дерева я знаю в гораздо меньшей степени. Мой дедушка по отцовской линии Василиади Илья Кириакович родился в городе Трапезунд (Трабзон) в 1864 году, что можно определить с точностью, ибо он сам говорил: «Я на шесть лет старше Ленина». Причерноморские (понтийские) греки, как известно, жили по всему побережью Черного моря. В екатерининскую эпоху, после присоединения северного Причерноморья к Российской империи, они особенно густо селились от Одессы до Батуми. Большое их количество убегало от гнета исламской Порты под скипетр православных государей. К их числу принадлежали и мои предки. Греческие колонисты были рыбаками, торговцами и ремесленниками. Дед Илья, как и его отец, был сапожником. В молодые годы он сжег свою сапожную мастерскую в Трапезунде и пешком с навьюченным осликом на поводу перешел в российский Батум. Был он невысокого роста, крепкого телосложения молодым веселым парнем. В Батуме молодой сапожник встретил и очаровал в 1894 году красавицу Ефросинью (Эфросине) Анастасиади, дочку директора городской Греческой гимназии. Бабушка Фрося не была понята богатыми родителями и лишена приданого после тайной свадьбы с дедом, что, впрочем, не помешало им счастливо прожить свою жизнь.

Этот факт тем более представляется непонятным, что родные ее братья Яни (Иван) и Юсуф (Иосиф) были людьми передовых взглядов и впоследствии стали активистами первых марксистских организаций в Западной Грузии, в 30-е годы оба были репрессированы, как и большинство старых закавказских большевиков. Великий отец и вождь всех народов Сталин не смог простить им своего малого веса в среде революционеров Закавказья в конце 19-го начале 20-го веков.

В 1897 родилась первая дочь в семье деда- Урания, в 1899 - сын Кириак, в 1903- дочь Талия (Елена), в 1907- дочь Георгия, в 1915- сын Иван и, наконец, в 1917 - сын Василий. Удивительны совпадения в семейных традициях моих предков по русской и греческой линиям. Прадед Иван Морозов и дед Илья Василиади были почти ровесниками, женились примерно в одном возрасте, имели много детей, причем как мальчиков, так и девочек, в обеих семьях умерло по одному ребенку в младенчестве

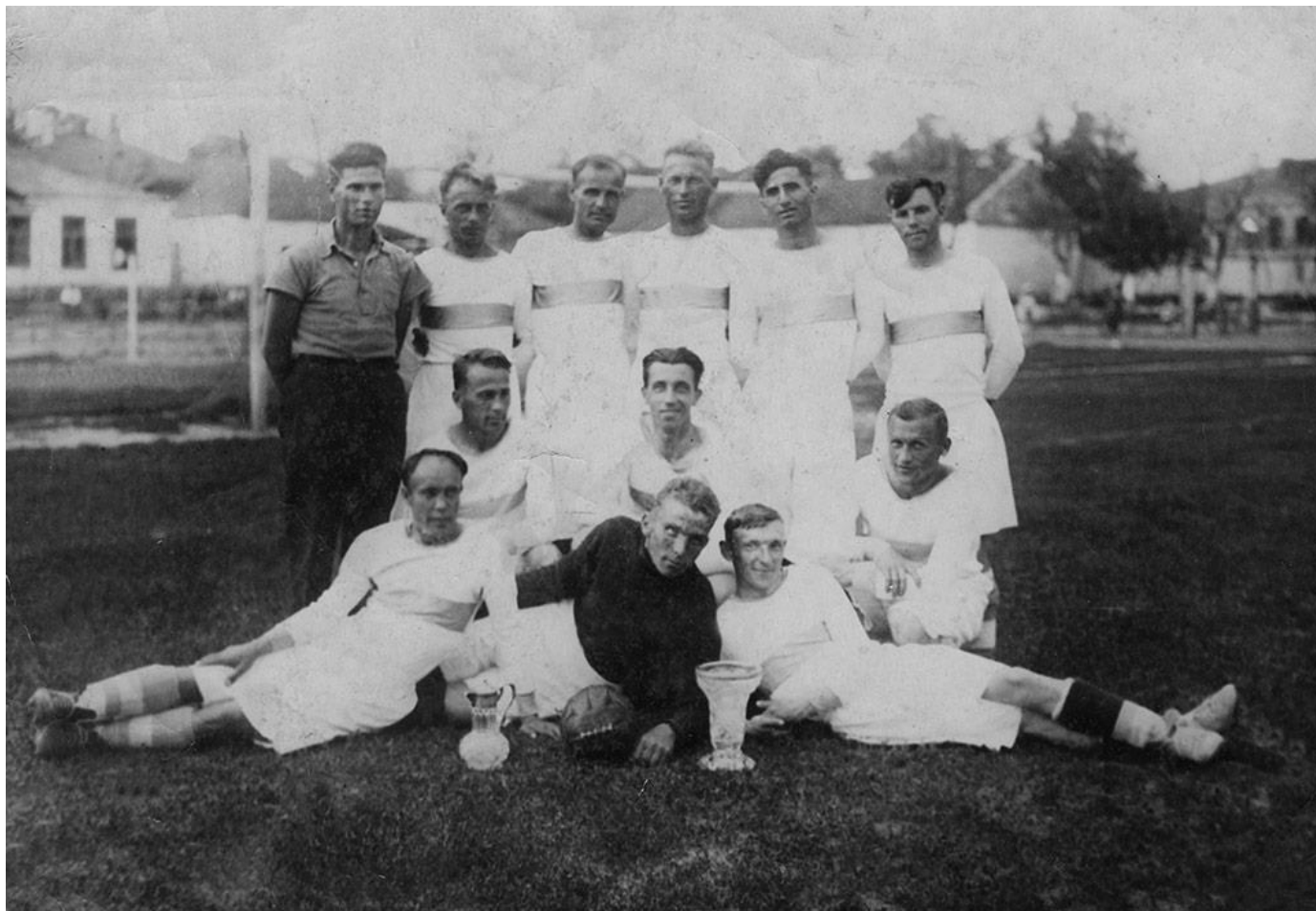
и, наконец, последыши мальчики родились в 1917 году. Примечательно еще и то, что детородный возраст обеих семей был прилично растянутым (папам в 1917 было 54 и 53 года, мамам то же уже за сорок), разница между старшими и младшими составляла 19 и 20 лет. Этот факт говорит не только о патриархальных традициях семей того времени, но и о хорошем здоровье наших предков. Но самое главное, о хороших социально-бытовых условиях двух совершенно разных родов в далеких друг от друга уголках России.

Мировая война и бури революции, видимо, в меньшей степени затронули далекий уголок империи. По крайней мере, мне ничего не известно о каких-либо катаклизмах в семье греческого сапожника. Знаю лишь, что в 1922 семья Василиади переехала из Батуми в Новороссийск, что, видимо, было связано с болезнью бабушки Фроси. Она страдала тяжелой формой бронхиальной астмы, и болезнь сильно усугублялась влажным, почти тропическим климатом Западной Грузии. Ну а дед Илья не мог жить без моря, в течение почти всей своей жизни по раз и навсегда заведенному распорядку, он плавал с шести до семи утра независимо от погоды. И, наверное, отчасти, поэтому отличался железным здоровьем. К тому же в Новороссийске проживала одна из мощнейших греческих колоний в Советской России. Выбор семьи, таким образом, пал на этот замечательный во многих отношениях город.

Впрочем, в Новороссийск семья переехала уже не в полном составе. В 1920 году старшая сестра Урания вышла замуж за эллинского грека Перикла Параскевопулоса и уехала с ним в Грецию (не путать эллинских «хеллас» с понтийскими). Старший сын Кириак выдвинулся по партийно-хозяйственной работе в Краснодарском крае. Сестра Галия же осталась в Батуми, где вышла замуж за аджарца Наби Накашидзе, потомка рода аджарских князей. На новом месте обосновались дед Илья, бабушка Ефросинья, сестра Георгия, которая окончила педагогическое училище и работала учительницей младших классов, а так же два младших брата Иван и Василий. Приобрели квартиру, три комнатки в полуподвале рядом с портом. Жилье сумели купить на деньги, полученные от продажи сапожной лавки в Батуми и части приданого, доставшегося все же бабушке после смерти ее отца в 1921 году. Оставшуюся часть денег дед Илья потратит на организацию первых пионерских отрядов в Новороссийске, во главе которых часто шествовали младшие Василиади: командир Иван и барабанщик Васька.

В этом составе семья деда прожила до начала 30-х годов. Сам Илья работал сапожником сначала частным образом, а с 1928 года в артели промкооперации. Георгия работала в школе, младшие учились. В семье разговаривали на греческом. Понтийский диалект, отличается от современного «хеллас» так же, как старонемецкий от современного «дойч» или старославянский от современного русского. До шести лет отец почти не знал русского. Дед Илья, насколько я его помню, по-русски говорил медленно, с жутким акцентом, постоянно сбиваясь на греческий. В 1934 Иван поступил в Краснодарский политехнический. Профессия инженера в те годы ценилась очень высоко. Впоследствии он стал крупным

инженером на военных заводах в Тбилиси и Виннице, а в годы войны имел «бронь», что говорило о многом. Василий же с детства увлекся цирком и спортом. Новороссийский цирк располагался рядом с их домом. С пяти-шести лет он пропадал на манеже и за кулисами. «Цирковые» местную ребятню привечали и даже иногда задействовали в представлениях. Васек, координированный и шустрый пацан, работал «верхним» в гимнастических номерах и на батуте. Эти навыки впоследствии сослужили ему добрую службу на футбольных полях и на полях военных. (верхний ряд, второй справа)

*1940 год. «Динамо» (Курск) обладатель Кубка Курской област.,
Отец Василий Василяди стоит второй справа*

После семилетки отец дальше учиться не захотел, да и трудно было содержать двух учащихся. В 1935 году он окончил ФЗУ по специальности токаря-станочника. И хотя тогда он бредил футболом, много позже он стал виртуозом токарного станка и работал токарем, фактически, до самой смерти в 1991 году.

Неизгладимый отпечаток на семью наложил 1937 год. Наряду со многими

честными людьми был арестован и репрессирован старший брат Кириак, под страшный молох репрессий попали родственники по материнской линии. Сам отец оказался невольным свидетелем страшных событий 37-го. Будучи игроком резерва команды Новороссийского «Динамо» (мы знаем о проф- принадлежности этого спортобщества к НКВД), он видел, как каждый день исчезают кадровые работники и даже оказался случайным свидетелем расстрелов кадровых чекистов на косе в Цемикской бухте. Об этой истории он поведал мне уже в пожилом возрасте и, тем не менее, это был страшный рассказ о том, как люди были вынуждены расстреливать своих вчерашних сослуживцев, что бы послезавтра оказаться на их месте.

1949 год КЭАЗ. Отец Василий Василиади – токарь высшего разряда

Все это, а так же массовое выселение причерноморских греков в северный Казахстан, вместе с рядом других народов попавших в категорию «неблагонадежных», и даже пособников врага, заставили деда кардинально изменить свое мнение о «лучшем друге всех трудящихся». Сталина дед при мне называл не иначе как «стервятником» и кровопийцей, изменившим делу Ленина. А после того как в семью пришло письмо Батумского КГБ о посмертной реабилитации Василиади Кириака Ильича и за него была назначена пенсия, любимым правителем деда стал Н.С.Хрущев. «Ты посмотри, – говорил он своему сыну, моему отцу -- он твоего брата оправдал! Он людям

квартиры дал! А...? Брось ты кукуруза, кукуруза, ерунда это! Он о людях первый подумал». Вот такая нехитрая, но справедливая логика была у него, в то время простого, почти столетнего советского человека.

Наверное, те события 37-го, в большей мере, чем спортивное честолюбие, заставили отца уехать из Новороссийска играть сначала в Махачкалу, а затем в Курск. Отголоски тех событий, видимо, заставили его забыть греческий язык и не учить ему своих детей, в отличие, скажем, от своего друга Дмитрия Котопуло. Когда же настала пора получать паспорт мне, и я задумал записаться греком, он меня отговорил: "Какой ты грек? Ты в России живешь, у тебя мать русская и ты записывайся русским». Видимо, тот же подсознательный страх заставил его, уже тяжелобольного, уничтожить адреса родственников в Греции. Да, сейчас все это кажется невероятным, смешным, но Советская тоталитарная машина умела умело и страшно воздействовать на человеческие умы и судьбы. И когда сегодня некоторые клянутся в любви к старой системе, к Сталину, мне не хочется им верить, а хочется верить словам почти столетнего деда Ильи: «О людях думать надо!»

В 1942 дед бабушка и Георгия буквально на последнем пароходе успели эвакуироваться из охваченного огнем Новороссийска в далекий от войны Батуми. Хотя и потеряли они все свои сбережения и документы (ручную швейную машинку, в которой они были запрятаны, бойцы выкинули за борт, и понятно – не до скарба было), зато остались в живых. Большинство жителей будущего города - Героя погибло в стальном вихре войны. Вскоре, в 43 умерла бабушка Фрося, не суждено ей, оказалось, увидеть невесток и внуков младших сынов. Дед Илья с Георгией получили маленькую квартирку на Ленина 42, где и прожили оставшиеся им годы. Самой большей радостью деда и тетки были летние визиты к теплому морю внуков и племянников.

В один из таких приездов в начале 50-ых моей маме пришлось ухаживать за дедом, который перенес операцию по удалению камня из мочевого пузыря. Восьмидесятипятилетний Илья Кириакович, довольно крепкий еще старичок, много и сбивчиво рассказывал своей невестке о прожитом и пережитом в своей длинной жизни. Но малопонятная по причине болезни и трудности с русским языком речь деда не дала возможности ей многого понять и запомнить. Во всяком случае, то, о чем поведал я, передала мне именно мама. Немного пообщался с дедом и я, когда в 1961 с отцом и мамой мы приехали отдыхать в Батуми. К сожалению, он был уже тяжело болен, и кроме нескольких его разговоров с отцом, а так же напутствия старика мне: « Будь врачом, помогай людям внучек» – я мало что помню. Вскоре после нашего вынужденного отъезда, я сильно заболел, и эта болезнь потом переросла в астму (наверное, по наследству от никогда не виденной, даже моей мамой, бабушки Фроси), в возрасте 97-ми лет, дед Илья умер. Что же, можно сказать, он прожил долгую и по-своему счастливую жизнь.

С родней по греческой линии мы сейчас не поддерживаем практически никаких отношений. Куда делись наследники репрессированной семьи Кириака, не знали и дед с бабушкой. Дети тети Талии: Иосиф и Нелли Накшидзе жили в Батуми.

Двоюродный наш брат Йося был ненамного моложе своего дяди, нашего отца. Он прожил веселую, лихую жизнь, по своей комбинаторской натуре он недалеко ушел от своего комбинатора-- отца Наби Хозриевича, «владельца князя аджарского», как тот любил себя называть. Отец и сын Накашидзе крутили разные аферы на грани фола, но никогда эту невидимую черту не перешли. И торговля левыми мандаринами в фестивальной Москве 1957 года была еще цветочками в их бурной жизни советских подпольных «цеховиков» эпохи развитого социализма. После смерти «князя» Наби в 73-м Иосиф несколько успокоился и переквалифицировался в «управдомы», а именно работал капитаном буксирчика в Батумском морском порту. Впрочем, достоверно известно, что и Йоси нет уже на грешной земле. В Батумши осталась одна лишь наша сестра Нелли Цинцадзе (по мужу) со своим многочисленным потомством, однако и с ними связи никакие не поддерживаются. Трагично сложилась судьба тетки Георгии, которая до конца связала свою судьбу с судьбой деда и после его смерти постепенно, но все тяжелей, заболела острой шизофренией с элементами мании преследования. Она закончила свою нелегкую жизнь в психиатрической лечебнице в начале восьмидесятых.

Иван Ильич Василяди в семидесятых несколько раз появлялся на нашем горизонте, жил и работал он в Виннице. Его поздний сын Володя в 80-81 служил срочную в стройбате в городе Курчатове. Тогда братья Иван и Василий встречались в последний раз. Сейчас связей с ними-то же никаких.

Так что, многочисленный клан дедовых отпрысков судьба разметала по всей Европе, от Франции и Греции до Курска, Батуми и Красноярска, хотя это уже и Азия.

Таков неглубокий и поверхностный, в силу объективных причин, взгляд на генеалогию моих ветвей по материнской и отцовской линиям. Не берусь судить о его исторической ценности, но хотелось бы отметить, что не сохрани я в своей памяти сии крупницы семейных преданий и рассказов, то вполне вероятно в следующих поколениях нашей фамилии, не узнали бы и об этом.

Игорь Василяди.